

Застывшая музыка древнего города

У каждого свое восприятие родины. Ее запахов и звуков – кизячного дымка, криков «ир, ир, ир!» в тумане, материнских подмышек, завораживающего бормотанья лам, скрипа старенького трамвая на Удинском мосту, тревожного всхрапывания коней в сумерках, пошвиста ветра в трубе родного дома...

ФОТО: RUSSIANSTOCK.RU

Девочку, приехавшую в Улан-Удэ из бурятской заимки, поутру разбудили таинственные звуки: словно на фонарях расселись дятлы, или дедушка отбивает косу... Ни то, ни это – эхо дробного перестука каблучков модниц, спешащих на работу (из рассказа жены).

«Сторож» времени

Иной обертон тающей во времени мелодии: равномерное цоканье. И стынувшие на асфальте яблоки конского навоза в центре Улан-Удэ. В 1960-х молоко доставляли гужевым транспортом в гастроном №1 и ГУМ, в магазины по периметру площади Революции. Им же вывозили огромные бидоны – два раза на дню путь коняги пролегал по улице Ленина.

Час спустя другой утренний звук – мелкое дребезжанье. Это пацаны и домохозяйки бредут за разливным молоком, придерживая пальцем крышку бидончиков (она и дребезжала). Крышечку обычно привязывали к дужке, чтоб не обронить. То была эра разливного молока. Оно по жирности приближалось к 5%.

Едва принес бидончик, мама сразу же достает ребристый, меньше ладони, эмалированный кружок с носиком. Он имелся в каждой семье. Это – «сторож». Опускается на дно кастрюли, чтобы молоко не «убежало» во время кипячения.

Продавалось и пастеризованное молоко в бутылках. Сдав их пустыми там же, в молочном отделе, можно было купить две полные бутылки. В отличие от обычной евробутылки молочная имела широкое горлышко и закупоривалась не пробкой, а фольгой. На фольгу наносилась тиснением информация о продукте и производителе, включая розничную цену. Конечный срок реализации обозначался просто днем. И все понимали, что этот день текущей недели. Не случайно молоко официально давали за вредность на особых производствах.

Ценная «пушнина»

Похожее звяканье разносилось по другому поводу, радующему душу мужской части Улановки. В магазины бутылочное пиво доставляли в деревянных ящиках, в них же вывозили. На этикетке обязательно стояла дата изготовления – ее придирчиво изучали.

Уже позавчерашнее пиво считалось «старым». Чуть резковатое на вкус, «старое» теряло вкусовые качества из-за того, что было без консервантов. Пиво было «живым»! При откупоривании свежее пиво издавало нежный звук: «П-пах!» и после первого глотка на стенках бутылки появлялись характерные пленки-пузыри.

Разбирали пиво за час, усеяв этикетками полгастронома. На дамбе, в Пионерском скверике (у Одигитриевского собора), в горсаду и иных укромных местах пиво вливалось в «горящие трубы» и пустые бутылки несли обратно в гастроном – на задний двор. Принимались только чистые бутылки-«чебурашки», тихо матерясь, пивоманы сдирали этикетки у водоколонок.

Впрочем, сдачей бутылок не брезговали и трезвые граждане. Никого не удивляло, что на кухне стоит ящик-два для стеклотары, их вечно не хватало. Типичная картина. Приемщица лениво тычет пальцем обрезанной перчатки на картонку: «Тары нет». Очередь ждет. Наконец кто-то предлагает: «А по десятку?» Лень с приемщицы слетает мухой. Она деловито пересчитывает товар, проводя пальцем по горлышкам бутылок: экземпляры со сколами и трещинами отсеиваются.

Недаром стеклотару называли «пушницей». После ее сдачи семья, хоть и скромно, могла дотянуть до зарплаты.

ФОТО: RUSSIANSTOCK.RU

Протяжный скрип трамвая на поворотах ныне редок: парк трамвая обновляется. Зато кондукторы не стареют.

Хотя в 60-х кондукторов в трамваях не было. Что отражало доктрину о растущей сознательности масс. По плану коммунизм должны были построить к 1980 г. С младших классов, помню, в трамвае стояли тумбы с прозрачными колпаками. Бросаешь в щель монету – крутишь, отрываешь билет. Скоро выяснилось, что в коммунизм нам рановато...

Оплата за проезд и многолетняя война с «зайцами» – большая тема общественного транспорта. Хотя до реформ цена билета была 3 коп. трамваем, автобусом 5 коп. при средней зарплате в 150 руб. Помню объявление от руки: «Проезд – 3 коп. Без билета – 1 руб.». Позднее штраф подняли до 3 руб.

Охота на безбилетников не утихла. Они бегали от контролеров из вагона в вагон (их часто сцепляли), подделывали проездные, всячески «петляли» – зайцы же.

Деревня в городе

Прочие звуки «УУ» – эхо того, что Улан-Удэ заселяли выходцы из деревни. Было много деревянных домов, барачных улиц и целых поселков. Звуки «му».

С утра наша улица Каландаришвили из-за заборов оглашалась петушиным ором и лаем. Домовладельцы ухитрялись на небольших земельных наделах разбивать огородики и стайки. Плюс во дворах первых хрущевок в кладовках разводили живность, кроликов. То и дело истеричный визг поросенка резал уши горожан: юную хрюшку в мешке тащили от Центрального колхозного рынка.

А уж в «городских деревнях» типа Батарейки, бывало, мычал крупный рогатый скот. Его владельцы устраивали сенокос по берегам Уды и Селенги.

По воскресеньям даже в центре разносился тупой равномерный звук – кололи дрова. Поначалу на кухнях хрущевок стояли печи, дощатые кладовки не вмещали полениц. Печным отоплением был охвачен не только частный сектор, но и ряд госучреждений. В штате редакции «Заря коммунизма» по ул. Профсоюзной значился «сторож-истопник». Истопник Григорьич, ветеран войны, сбросив охапку дров, благодарно принимал из рук газетчиков граненый стаканчик... Впрочем, мы отвлеклись.

Ближе к работе. Из перманентных звуков старого Улан-Удэ врезался в память ревуший радиодинамик. Его не отключали на кухнях. Вплоть до 6.00 и 24.00, когда передавали гимн СССР. Из-за чего случались курьезы. Привыкшие вставать по гимну отдельные пролетарии с недосыпа заявлялись к проходным ровно в полночь.

...По выходным от горсада льются глухие звуки духового оркестра. Вскрикивают птицы. Удары мяча, детский смех. На кончиках строительных кранов стынют капли солнечной влаги. От Селенги доносится басовитый гудок баржи, тянущей бревна, ей вторит теплоход, льнуший к пристани белой лебедью. Гудки сливаются с мычаньем, образуя плывущий над городом теплый звук. Скрип трамвая, тараканом ползущего по мосту. Благостное дребезжанье пивных горлышек, искрами отражающихся на солнце. Сизые облака бегут встречь сполохам розового света...

Звуки «УУ». Застывшая музыка древнего города. Let it be.